

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 5—10.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 5—10.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"18"

DOI: 10.46726/И.2022.2.1

**О РЕЧЕВЫХ ПРОМАХАХ ГЕРОЕВ А.Н. ОСТРОВСКОГО
В СВЕТЕ ПЕРВИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ**

Ольга Евгеньевна Белова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, zhut1989@mail.ru

Аннотация. Предлагается исследовать творчество А.Н. Островского сквозь призму первичных речевых жанров (на базе подходов М.М. Бахтина и А.Д. Степанова). Подобное исследование может быть проведено в различных направлениях. В качестве примера автор рассматривает отдельные ситуации в пьесах Островского, когда персонажи допускают определенные речевые промахи, что приводит к негативным результатам общения (от срыва планов до совершения преступления). Причинами данных промахов выступают как ошибки в реализации первичных речевых жанров, допущенные персонажами (несоблюдение этикета, в том числе социальной иерархии, невнимание к эмоциональному состоянию собеседника, недостаток тактичности), так и изначально неверный выбор первичного речевого жанра в разговоре; неиспользование жанра, который был бы наиболее уместен (например, отсутствие извинения в том случае, когда имела место обида). На материале пьес «Не в свои сани не садись», «Гроза», «За чем пойдешь, то и найдешь», «Бесприданница» автор показывает, что изучение пьес Островского в свете первичных речевых жанров дает возможность глубже осмыслить характеры его персонажей, мотивы их речевого поведения.

Ключевые слова: Островский, первичные речевые жанры, речевые промахи, этикет, тактичность

Для цитирования: Белова О.Е. О речевых промахах героев А.Н. Островского в свете первичных речевых жанров // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 5—10.

© Белова О.Е., 2022

Original article

SPEECH BLUNDERS OF OSTROVSKY'S HEROES IN VIEW OF THE PRIMARY SPEECH GENRES

Olga E. Belova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, zhut1989@mail.ru

Abstract. The author of the article makes an attempt to study works of A.N. Ostrovsky through the lens of primary speech genres (based on M.M. Bakhtin's and A.D. Stepanov's research). This research can be conducted in different directions. For example, the author demonstrates exploration of some situations in Ostrovsky's plays when the characters make certain speech blunders leading to miscommunication (from failure of the plans to committing crimes). In the author's opinion, the reasons of these blunders were the mistakes in realisation of primary speech genres made by characters (for example, non-compliance of etiquette norms, neglect of the collocutor's emotions, tactlessness) and non-use of appropriate speech genre (for example, one character may hurt another one and forget to apologize). Basing on plays "Ne v svoi sany ne sadis", "Groza", "Za chem poydesh, to i naydesh", "Bespridannitsa", the author shows that learning Ostrovsky's plays through the lens of primary speech genres can to a certain extent lead to the reconsideration of characters and plots of Ostrovsky's plays.

Keywords: Ostrovsky, primary speech genres, speech blunders, etiquette, tact

For citation: Belova O.E. Speech blunders of Ostrovsky's heroes in view of the primary speech genres, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 5—10.

Исследователями творчества А.Н. Островского накоплен громадный материал, характеризующий речевое мастерство драматурга, его внимательнейшее отношение к отдельному слову. Однако Островский был чуток не только к отдельным лексемам, но и к «типическим формам высказывания» [Бахтин: 240] — речевым жанрам, в границах которых происходит общение его персонажей.

М.М. Бахтин писал, что под речевыми жанрами следует понимать «относительно устойчивые типы высказывания, вырабатываемые той или иной сферой использования языка» [Бахтин: 237]. При этом он разделил все речевые жанры на первичные (простые) и вторичные (сложные). Если первичные жанры складываются в непосредственном речевом общении, то вторичные — «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)». Попадая в контекст художественного произведения, первичные жанры, «утрачивают непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям», начинают жить по законам этого контекста [Бахтин: 239].

Долгое время изучение первичных речевых жанров проводилось лингвистами, описавшими многие конкретные формы и заложившими основы их классификации. Ситуация изменилась, когда появилась работа А.Д. Степанова «Проблемы коммуникации у Чехова» [Степанов]. С учетом корректив, сделанных лингвистами, бахтинская идея относительно значимости изучения первичных речевых жанров была возвращена в литературоведение. А.Д. Степанов не только предложил новую концепцию творчества Чехова, но и создал теоретическую основу для изучения первичных жанров в литературном произведении. Она вполне приложима и к творчеству Островского.

Исследование можно было бы вести в разных аспектах: например, выявить диапазон первичных речевых жанров в пьесах Островского, выделить наиболее репрезентативные речевые жанры, характеризующие индивидуальность Островского, раскрыть элементы картины мира Островского, отраженные через результаты общения героев. Особый интерес представляют те случаи, когда из-за нарушений правил реализации того или иного речевого жанра героев Островского постигает неудача. Причины ее часто кроются в том, что персонажи не соблюдают речевой этикет, принятый в среде, где происходит действие, или не учитывают индивидуальные особенности собеседника.

Понятие речевого этикета, в сущности, соотносимо с понятием речевых жанров, и не только потому, что среди них можно выделить такой вид, как этикетные. Речевой этикет (как определяет его, например, Л.А. Введенская) — это «разработанные правила речевого поведения, система речевых формул общения» [Введенская: 53]. Она называет, в частности, как значимый момент ситуацию общения, под которой понимается совокупность таких факторов, как личность собеседника, место, время, тема, мотив и цель общения. Каждой формуле речевого этикета соответствует особая техника реализации. Важную роль играет также тактичность, то есть «этическая норма, выражающаяся в чувстве меры, которое определяет деликатную линию поведения по отношению к собеседнику» [Борзунова]. Очевидно, что представление об этом чувстве меры тесно связано с представлением о нормах реализации того или иного речевого жанра в соответствующей среде.

Удачная реализация первичного речевого жанра во многом зависит как от этикета, так и от тактичности, понимания состояния собеседника. Эти качества должны проявляться уже при самом выборе первичного речевого жанра, который предполагается реализовать.

Рассмотрим ниже случаи, при которых несоблюдение героями Островского речевого этикета, реализуемого в том или ином первичном речевом жанре (бытовой диалог, шутка, поучение, даже комплимент) привело к речевым промахам.

В комедии «Не в свои сани не садись» дворянин Вихорев сватается к дочери купца Русакова. Сама ситуация сватовства дворянина к купеческой дочери, надо сказать, уже была способна насторожить отца девушки. Он мог и раньше слышать о подобных браках, где женихами явно двигала корысть, мог понимать (и понимал, как ясно из диалога с Вихоревым), что со своим воспитанием, уровнем образования его дочь не впишется в дворянскую среду. Неудивительно, что Вихорева он встретил настороженно, это ясно из сдержанного тона его реплик в начале разговора. Вихорев, как человек неглупый, понимает, что трудности возможны, и пытается расположить Русакова, делая комплименты сначала традиционному русскому гостеприимству, потом — его капиталу (при этом Вихорев не замечает, что последнее никак не развеивает подозрения относительно корыстности его интереса к Авдотье Максимовне). Он пробует польстить самолюбию Русакова, упирая на его исключительность: «Да разве здесь вас могут оценить, Максим Федотыч, разве могут! что вы говорите!» [Островский 1: 245]. Однако реплики Русакова по-прежнему сдержанны.

Дальше Вихорев допускает, вероятно, роковой промах: он переходит по отношению к Русакову на снисходительный, поучающий тон («В вас мало самолюбия — и это напрасно, Максим Федотыч» [там же]). По сути, он указывает на недостаток, поучает человека старше себя, что, с точки зрения его

собеседника, выглядит крайне дерзко и самонадеянно. Неудивительно, что в репликах Русакова начинается сквозить ирония: «Полноте, ваше благородие, мы люди простые, едим пряники неписанные, где нам!» [Островский 1: 246]. Дальше Русаков уже открыто выражает сомнения в искренности Вихорева: «Так ли, полно?» [там же], а затем прямо говорит, что не верит ему. Правда, от сильных резкостей Русаков пока удерживается, пытается разумно обосновать свое несогласие на брак дочери с дворянином. Но раздосадованный Вихорев совершает новую ошибку: пытается завуалированно, через обобщение, оскорбить Русакова, чем вызывает у последнего вполне понятную вспышку гнева. Очевидно, что причиной провала сватовства Вихорева в немалой степени послужило несоблюдение принятой в купеческой среде возрастной иерархии. Это подчеркивается и выводом, который о Вихореве сделал Русаков: «Не умеет разговаривать с людьми постарше себя» [Островский 1: 248].

Отклонение от принятого в патриархальном мире речевого этикета проявляет живущая в той же среде Катерина Кабанова («Гроза»), хотя это вряд ли можно рассматривать как ее речевые промахи. В ответ на первую же свою реплику («Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит») она получает от свекрови выговор, в котором ей, по сути, прямо указывается на конкретную ошибку: «Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. <...> Что ты выскочила в глазах-то поюлить!» [Островский 2: 219]. То есть вмешательство в разговор мужа и свекрови, которое позволила себе Катерина, выглядело в глазах Кабановой как нарушение нормы общения, как неуместная попытка привлечь к себе внимание.

Второе неочевидно. Поступок Катерины можно трактовать как продиктованный обидой на несправедливые и оскорбительные подозрения свекрови («Аль жена тебя, что ли отводит от меня, уж не знаю» [Островский 2: 218]). Сама Катерина на это и указывает: «Напраслину-то терпеть кому ж приятно!» [Островский 2: 219]. И отметим: когда Катерина объясняет причины своего вмешательства в разговор, Кабанова постепенно идет «на попятную», признавая, что могла задеть чувства невестки, и считая нужным объяснить свое поведение беспокойством о молодом поколении («Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит» [там же]).

В комедии «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)» сваха Красавина пытается примириться с возможным клиентом — Мишей Бальзаминовым, у которого ранее дважды срывалось устроенное ею сватовство. Бальзаминов встречает ее враждебно: «Я еще и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!» [Островский 1: 353] Заметим, что очень эффективным может оказаться использование речевого жанра извинения, и чуть выше, в диалоге с матерью Миши, сваха прибегает к этому жанру. Однако в диалоге с самим Бальзаминовым она не считает нужным извиняться.

Красавина хочет предложить ему новую кандидатуру невесты, но мало того, что в принципе начинает разговор неудачно — с насмешки («Красоты моя писанная, разрисованная!» и т. п.), еще и неудачно выбирает первый же аргумент, заявляя Бальзамину: «Ты человек глупый» [там же]. Это больно бьет по самолюбию Бальзаминова, и он, восприняв ее слова как оскорбление, начинает защищаться, возражать: «Как же, глупый! Ишь ты, дурака нашла!» [там же]. При этом для Красавиной реплика про глупость Бальзаминова скорее была констатацией факта, от которой она собиралась отталкиваться в рассуждениях. Видимо, поэтому сваха и стоит на своем,

не воспринимая всерьез явно проникнутые обидой реплики Бальзамина («Ты молчи, не твое дело!», «Да что ты все: глупый да глупый!»). В результате негативные переживания ее собеседника усугубляются: «Ты думаешь, я вам на смех сдался?» [Островский 1: 356], и он просто обрывает разговор. Примирения, на которое рассчитывала сваха, не происходит.

Заметим, что чуть ранее похожую ошибку (непонимание эмоционального состояния собеседника) едва не допускает персонаж той же комедии Лукьян Чебаков. Посылая Бальзамина передать письмо Анфисе Пеженовой, он отпускает грубоватую шутку: «Послушайте, Бальзаминов, а ну как вас там высекут?» [Островский 1: 359]. Неудачная шутка в адрес Бальзамина чуть не стоит Чебакову сорванного плана: испугавшись, Бальзаминов готов отказаться идти. Однако Чебаков вовремя спохватывается и успокаивает его («Как вы, Бальзаминов, шуток не понимаете! <...> Уж будьте покойны! Я бы вас не послал») [там же]. Пусть шутка как речевой жанр и возникает в процессе коммуникации, не ограниченном содержательными или формальными рамками, но соблюдение этикета или тактичности для удачной реализации этого жанра также важно.

В обоих описанных случаях причиной речевых промахов персонажей становится (или едва не становится) бестактность, отсутствие того самого чувства меры если не по отношению к принятым речевым нормам, то, как минимум, по отношению к конкретному человеку.

В рассмотренных выше случаях речевые промахи заканчиваются пусть не всегда совсем безобидно, но, во всяком случае, не трагически. Не так в финальном разговоре Ларисы и Карандышева в «Бесприданнице», где они приводят к действительно страшным последствиям.

Вероятно, затеявая разговор с Ларисой, Карандышев надеялся как на извинения с ее стороны, так и на примирение между ними. В принципе на извинения он, как пострадавший от ее измены, имел право, но, к сожалению, Лариса была совершенно не в том эмоциональном состоянии, чтобы анализировать свое поведение и признавать неправоту. И первая же ее реплика при встрече с Карандышевым должна была показать ему, что извиняться она не собирается и вообще виноватой перед ним себя не ощущает («Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь?» [Островский 8: 229]). Он мог бы осознать и то, что Лариса не способна на примирительный разговор с ним. Однако Карандышев, игнорируя явно проявляемое отрицательное отношение Ларисы к себе, продолжает разговор, при этом, однако, не пытаясь как-то облегчить ее состояние. Напротив, он, не сдерживая себя, усугубляет душевную боль Ларисы тем, что сообщает о нанесенном ей оскорблении (игре в орлянку) и вольно или невольно нанося оскорбление сам («Ну, если вы вещь, это другое дело. Вещь, конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может» [Островский 8: 229]).

Речевые промахи Карандышева в значительной мере вызваны его эмоциональным состоянием, которое усугубляют реплики Ларисы. О ее речевых промахах говорить, конечно, не приходится, она не хочет примирения с Карандышевым и в разговоре с ним вполне искренне выражает то, что у нее на душе (возможно, впрочем, что со стороны Ларисы имеет место провокация — не забудем ее неудавшуюся попытку самоубийства и слова перед появлением Карандышева «Кабы меня убил кто-нибудь»). Она раз за разом отвечает ему откровенно грубо, в попытках задеть его прибегая даже к неправде: «Для меня самое тяжкое оскорбление — это ваше покровительство;

ни от кого и никаких других оскорблений мне не было» [Островский 8: 229] — хотя сама только что пережила предательство со стороны Паратова и Вожеватова, а также непристойное предложение от Кнурова. В итоге объяснение переходит в быстро набирающую обороты ссору, которая завершается выстрелом Карандышева.

На основании изложенного очевидно, что изучение первичных речевых жанров (тесно связанных с речевым этикетом) в творчестве Островского и промахов в их реализации дает возможность глубже рассмотреть ситуации общения и, соответственно, яснее понять характеры персонажей, мотивы их речевого поведения.

Список литературы / References

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
(Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity, ed. by S.G. Bocharov, Moscow, 1979, 424 p. — In Russ.)
- Борзунова А.К. Коммуникативные неудачи как следствие нарушения речевого этикета // Молодой ученый. 2012. № 8 (43). С. 79—83. URL: <https://moluch.ru/archive/43/5176/> (дата обращения: 03.03.2022).
(Borzunova A.K. Communication failures as a result of violation of speech etiquette, *Young scientist*, 2012, no. 8 (43), pp. 79—83. — In Russ.)
- Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю. Русский язык и культура речи: справочное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 384 с.
(Vvedenskaya L.A., Pavlova L.G., Kashaeva Ye.Yu. Russian language and culture of speech: reference manual, Rostov-na-Donu, 2002, 348 p. — In Russ.)
- Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: ГИХЛ, 1949—1953.
(Ostrovskiy A.N. Complete Works: in 16 vols, Moscow, 1949—1953. — In Russ.)
- Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
(Stepanov A.D. Problems of communication in Chekhov, Moscow, 2005, 400 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.03.2022; одобрена после рецензирования 03.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted 27.03.2022; approved after reviewing 03.04.2022; accepted for publication 22.04.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Белова Ольга Евгеньевна — аспирантка кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, zhut1989@mail.ru

Belova Olga Evgenievna — Postgraduate student of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, zhut1989@mail.ru